

Совершенно случайно я наткнулся в журнале «Алтай» № 4 за 2018 на рассказы Павла Селукова. Точнее, первой их прочла жена, а потом уже порекомендовала мне, зная мои вкусы. Я прочитал и задумался. Кто он, Павел Селуков? Раньше я этого имени не встречал. Оказалось – свежая пермская знаменитость, лауреат премии журнала «Знамя», растущая звезда в Фейсбуке, где размещает один за одним посты, а по жизни – вчерашний чернорабочий, представитель социальных низов.

Но прежде об «алтайской» его подборке. Там четыре рассказа. Первый, «Чизкейк», история про унижительную бедность в провинции. Второй, «Грузчики», в общем, про

то же. Третий, «Спартанец», наименее динамичный из всех, про семейный конфликт (хотя можно сказать, и про мелкий бизнес в той же провинции). Четвертый, «Семейное» – небольшая зарисовочка о родственниках.

Пишет Селуков ясно, просто. Нравится мне и тематика его – будни провинции, конкретно – окраин Перми, современное положение «маленького человека», начинающего жить. Нет бегства от реальности, нет желания писать нечто откровенно «продажное» (в смысле – продающееся), никаких авангардистских бредней и заумей. Это то, что важнее всего в литературе, – человек с его повседневными заботами. Ну и конечно, важен «колёр локаль». Мне ужасно интересно как живут люди и в Перми, и в каком уголке еще России. Везде свои особенности, надо только уметь их увидеть и передать.

В рассказах Селукова немало примет времени. Скажем: «он пытался лечиться народными средствами (пил парацетамол, чай с малиной, полоскал горло содой)», то есть парацетамол – уже народное средство. Есть у него меткие незаезженные слова – «не погужуешь, но жить можно», «считал свое грузчицкое положение временным». Вообще, в наше время затопления русского языка новомодными англицизмами только из глубинки можно ожидать его спасения. Помнится, раз в очереди перед кассой в магазине я заслушался такого мужичка откуда-то с периферии. У него был сочный и выразительный, неповторимый русский язык, исконный и очень современный одновременно, но все его неологизмы были не заимствованными из английского, а порождены родным наречием. Правда, английский врывается все-таки и в речь далекой провинции – само название «Чизкейк» напоминает об этом.

Есть и очень умные и тонкие наблюдения: «он подсел на лагерь, как люди подсаживаются на покер. Ему

нравилось играть в лагерь, плести интриги, жить острой воровской жизнью, презирать государство. Сейчас мне кажется, что он так и не повзрослел. Дед Алёша как бы противопоставлял себя огромным реальностям – обществу и государству – и через это противопоставление ощущал себя большим. В итоге государство и общество все равно оказались больше».

При своих несомненных достоинствах произведения Селукова оставляют впечатление некой незавершенности. Язык его еще грубоват, отдает журналистикой, порой нехудожественен в своих переходах: «Бюджет Егора выглядел таким образом: 13 т. р. – зарплата, 3 т. р. – коммуналка, 500 р. – Интернет, 300 р. – телефон, 200 р. – электричество, 1000 р. – кошачий корм. На продукты оставалось 266 р. в день». Есть прямо неудачные места: «Свою особенность он не выпячивал, а лелеял внутри, как тайную прелесть. Бодрийяр бы ему все объяснил, но Бодрийяр про Олега ничего не знал и вообще умер в 2007 году, а Олег жил в 2009».

Заинтересовавшись автором, я поискал сведения о нем в Интернете. Как я уже отметил выше, он – «восходящая звезда». Но что ждет его далее? Часто встречаешь начинающих авторов, не скажу – писателей, которые поначалу вызывают симпатии, но потом куда-то исчезают или начинают писать совсем слабо, и ты теряешь к ним интерес. К какому роду авторов принадлежит Павел Селуков – предсказать трудно. Писательские способности – налицо, но этого мало.

Сейчас он часто размещает тексты в Фейсбуке, а это – опасный путь. Соцсеть дает дешевую и скорую популярность, но это не то, что нужно настоящему писателю. Достаточно сравнить его рассказы из литературных журналов и публикации в Фейсбуке, во втором случае Селуков пишет с ориентацией на невзыскательные вкусы – слишком хлестко, нарочито броско. Это портит

слог. Вспомним Евгения Ройзмана – его записки в ЖЖ, а теперь в ФБ создали ему определенный круг читателей-почитателей, но вырваться из него в «серьезную» литературу он не в состоянии.

Но как бы то ни было, рассказы Селукова заставляют задумать вот о чем – у нас, в России, мало выходит сборников, подобных «Физиологии Петербурга» 40-х годов XIX века, в котором стартовали многие выдающиеся таланты. Такие начинающие авторы, как Селуков, как сотни других, ныне неизвестных, могли бы начинать свой путь в сборниках «Физиология Перми/Екатеринбурга, Читы, Хабаровска, Рязани» (название – условное). Там бы сегодняшние грузчики, сторожа, водители, чувствующие влечение к перу, могли бы попробовать свои силы в прозе, накидав очерков своей повседневной жизни.

И необязательно русские – таджики, узбеки, киргизы, азербайджанцы с наших рынков и строек по-прежнему являются для нас молчащими незнакомцами. Почему их жизнь недостойна описаний? Каждый день, бывая на нашем рынке, я вижу десятки и десятки сочных типов, так и просящихся в рассказ или очерк. Неужели никто про них не расскажет? Да и офисный планктон не менее, а может быть, более забит и затюкан, чем люди физического труда, и ему тоже есть о чем поведать. Хороший отчет о рабочем дне клерка в фирме куда интересней любых бредней фэнтези и мистики. Вот бы куда потратить деньги литературных спонсоров, а не на никому не нужные премии.

Голос Селукова сегодня – это голос страдающих и униженных низов России, голос, почти неслышный «наверху», в официальной культуре. И здесь важно не дать превратиться себя в экзотическую диковинку, предмет для развлечений «среднего класса», которому хочется для развлечения почитать нечто о жизни люмпенов на окраинах Перми. Это тоже путь в тупик.

У Павла Селукова есть опасность скатиться в нишу писателя-жанриста – описателя хулиганья и пермских низов. Тогда как «настоящий» писатель всегда стоит выше любой специфической тематики. И даже когда пишет сугубо региональную прозу, он пишет об общечеловеческом – как Шолохов в донских или Шукшин в своих алтайских рассказах. Или вспомним Вампилова – имеют ли его пьесы какой-то иркутский колорит или характер?

А если талант невелик, то писатель не может справиться с материалом, и он его погребает под собой, ну или писатель так и остается «регионалистом».

Скажем, Олег Хафизов часто печатается в толстых журналах, но так и остается писателем-туляком. Максим Горький тоже мог остаться «автором о босяках», но вовремя выпрыгнул из этой ниши, как и Гоголь высоко поднялся над спецификой «Вечеров». А что есть в запасе у Павла Селукова, с чем он пойдет вверх? Пока мне это непонятно, но в любом случае он мне интересен.

* * *

Раз я упомянул об Олеге Хафизове, нельзя не отметить его рассказ «Фриба мара» в двенадцатом номере «Нового мира» за 2018 год. В нем налицо главное для этого автора – умение бойко рассказать анекдот. Большинство рассказов Хафизова – это именно анекдоты из тульской жизни, преимущественно 90-х годов, времени бедного, но веселого (ну, или наоборот, кому что важнее, и, скорее, даже бойкого, чем веселого). Встреча с японскими туристами в Туле становится поводом для сплетения в одно целое сразу нескольких историй. Я, сам проживавший в Туле в то время, выхватываю теперь то, что мне кажется важным. И что в те времена не замечалось.

Хафизов работал в самой известной тульской газете того времени – «Молодом коммунаре», всё громившей

партократов и коммунистов, которые давно уже не были у власти, а какие и оставались – те давно перекрасились в ельцинистов, но газета последних не трогала. Она словно остановилась в перестроечном времени и считалась «демократической» и «прогрессивной». Мне тогдашнему «Молодой коммунар» казался крепостью смелых вольнолюбивых журналистов, небожителей, неуклонно выполняющих важную историческую миссию по разоблачению пороков, остающихся от темного прошлого.

Хафизов тогда числился среди самых бойких перьев «МК», хотя и не касался особенно политики. А вот как сегодня он пишет о том времени: «... я был на пике популярности. Но при этом моя зарплата не превышала оклада уборщицы, и порой я сам не понимал, для чего я хожу в эту редакцию: то ли для того, чтобы хоть куда-то выходить каждый день, то ли для того, чтобы пользоваться редакционным компьютером». Родители автора торговали на барахолке – «я не мог содержать родителей».

Но «пронырливые журналисты так увлекались охотой за рекламой, что со временем вообще переставали писать честно, и их особенно ценили в редакциях». И я помню тех журналистов, их наивную похвальбу «джинсой», их желание продаться подороже власти, чтобы в обмен на квартиру в Туле раз и навсегда перестать ее критиковать. А ведь я верил в них, до знакомства с ними. И верил в слова про демократию, которые они так легко писали, поддерживая то Ельцина, то губернатора Севрюгина, то какого-нибудь заезжего проходимца. И сегодня я думаю – а почему не возникло в те же 90-е спроса на честную и объективную информацию? Почему проституирование стало тогда синонимом журналистики?

«В то время наш город, как и Россия в целом, как бы представлял собою барахолку». Я помню это – центральные улицы, превращенные в базар, тысячи людей,

пытающихся хоть что-то продать, и тексты в «МК», называющие это рыночными реформами, болезненными, но необходимыми. Сегодня мне стыдно за свою тогдашнюю наивность, за преклонение перед журналистами «Молодого коммунара», за то, что я верил в то, что они писали. И чтение рассказов Хафизова для меня – это расчет с тем временем, запоздалое разоблачение фокусов, которые привлекали ребенка. Ну а Селуков, человек почти на тридцать лет моложе Хафизова, свидетельствует, что ничего в России не меняется, жизнь такая же бедная и неустроенная, и что и сегодня, значит, есть немало обманутых нашим временем, для которых еще впереди свой час прозрения.